

УДК 323.11 – 054.57

© А. С. Ким, 2007

**ДИАСПОРАЛЬНАЯ ПРАКТИКА В СССР:
ЭТНОНАЦИОНАЛИСТИЧЕСКИЕ ИСТОКИ
И КОНФЛИКТОГЕННЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ**

Ким А. С. – канд. филос. наук, доц. кафедры «Социология, политология и социальная работа» (ТОГУ)

Рассматривается актуальная проблематика национально-этнической политики в отношении диаспор. В результате анализа делается вывод об этнонационалистических истоках советской политики в решении национального вопроса. Обосновывается тезис о том, что источниками диаспоральной конфликтности являются не только тяжелое наследие СССР, но и некоторые объективные противоречия, присущие всем полиэтничным государствам. К историческим причинам этой конфликтности добавляются новые, возникшие в процессе трансформации постсоветского пространства. Делается попытка обосновать основные направления управленческого воздействия на диаспоральную конфликтность.

In the article the author considers some actual problems of national - ethnic policy concerning Diasporas. As a result of the analysis the author concludes that ethno nationalistic sources of the Soviet policy lie in settling an ethnic problem. In the article the thesis that sources of Diasporas conflict situations is not only a heavy heritage of the USSR, but also some objective contradictions that are inherent to all the multinational states is substantiated. New reasons of such conflicts are added to the historical ones that are arisen during transformation of the post - Soviet space. The author makes an attempt to prove some basic aspects of regulating Diasporas conflict situations.

Глобализационные процессы привлекли внимание к диаспорам – общностям, образовавшимся в процессе этнического рассеивания в международном пространстве, обусловленного миграционной мотивацией. Набирающее мощные обороты в общественном дискурсе обсуждение диаспоральной проблематики носит зачастую характер схола-

стического теоретизирования и, что самое печальное, служит предметом публицистических, административно-бюрократических и сомнительных политических спекуляций. Некорректное и неоправданное использование понятия диаспоры в общественной практике может привести к опасным последствиям, поскольку в настоящее время существует национально-этническая напряженность, источниками которой являются не только этнические миграции, но и целый комплекс острейших социально-экономических, социокультурных и политико-идеологических проблем.

Так, например, стало обычным фигурирование термина «диаспора» в криминальном контексте. В Дальневосточном региональном приложении к еженедельнику «Аргументы и факты» в июле 2006 г. можно было встретить сентенции следующего характера: «... в последние годы для цыганских семей, торгующих наркотиками, настали тяжелые времена. Если лет пять назад на долю представителей этой этнической диаспоры приходилось до 60 % наркопреступлений, то сейчас, по словам начальника регионального отдела управления наркоконтроля Надежды Мальцевой, их стало вдвое меньше» [1]. Или еще: «Однако радоваться особо нечему: место цыган с опиум-сырцом занимают выходцы из Средней Азии с героином и китайцы с экстази» [1]. В духе мрачного прогноза выдерживаются рассуждения демографа О. Слоботчикова: «только в Москве за последние 15 лет корейцев стало больше в два с лишним раза, армян, грузин и арабов – в 3 раза, азербайджанцев и молдаван – в 5 раз, ингушей – в 6, чеченцев – в 7, таджиков – в 12. ... Привносятся элементы своей культуры, мигранты размывают культуру традиционного общества. После этого могут начать требовать присутствия своих представителей в органах власти, затем предоставления автономности, а в дальнейшем, возможно, и присоединения к исторической родине» [2]. В диаспоральном контексте очень часто рассматриваются и народы, имеющие иностранное происхождение, но проживающие в России веками. Это касается, например, евреев, поляков, немцев, корейцев. В этой связи интересным представляется высказывание В. А. Тишкова о том, что «процесс «диаспоризации всей страны» должен быть остановлен. Граждане государства, проживающие на его территории, не могут считаться диаспорой, как не являются диаспорами татарская или чеченская общины в Москве. Иначе нам придется причислить к диаспорам половину населения страны» [3, с. 357]. Екатеринбургский исследователь М. А. Фадеичева считает, что «ученым и политикам пора перестать пугать обывателя, просвещенную общественность и самих себя сущностями вроде «татарской диаспоры в России» или «чеченской диаспоры в Москве», в которых начинают видеть «пятую колонну» и источник заговора. Этноцентрич-

ный подход к диаспоре ... искажает реальную картину, игнорирует социальную стратификацию этнического массива, насаждает антигуманизм, интолерантность и этнонационализм» [4, с. 146]. Не поэтому ли опросы, проведенные в марте 2006 г. ведущими социологическими центрами России (ВЦИОМ и ФОМ) в 44 регионах России, показали, что 12 % населения считают, что в «фашизме есть что-то положительное», а каждый четвертый думает, что фашистские методы решения национальных проблем «особой опасности не представляют» [5].

События в карельской Кондопоге в начале сентября 2006 г. – это далеко не первый звонок правящей власти, предупреждающий о зловещих последствиях отсутствия целенаправленной и системной национально-этнической политики, в том числе и диаспоральной. В том же месяце «эстафету подхватила Самара. Два десятка неизвестных устроили кровавую драку в овощехранилище, где работали азербайджанцы и таджики, а буквально на следующий день пришли тревожные вести из Саратовской области – в городе Вольске схлестнулись русские и армяне ...» [6]. По данным фонда «Общественное мнение», «только один из пяти опрошенных осудил погромщиков в Кондопоге. Тех, кто их поддерживает, – в два с половиной раза больше. В их глазах люди там «отстаивали свои права, боролись с засильем приезжих с Кавказа» [6]. Социологическое сообщество бьет тревогу: «больше половины россиян поддерживают идею «Россия – для русских» [6]. Согласно опросу Левада-центра, «34 % из нас согласны с тем, что «во многих бедах России виноваты люди нерусских национальностей». 42% предлагают ограничить проживание на территории страны выходцев с Кавказа, 41 % – китайцев, 23 % – жителей среднеазиатских республик» [6].

Обострение, если не сказать «взрыв», внимания к общностям, именуемым диаспорами, произошел по вполне известным историческим причинам. Назовем их: это деколонизация (бывшие колониальные территории западноевропейских держав) и распад СССР (пространство СНГ). Значительные массы людей, прибывающие в бывшие метрополии, вносящие культурное разнообразие и размывающие национальную идентичность, воспринимаются как иностранцы, «чужаки», вызывающие настороженность, а зачастую и враждебность старожильческого населения. Проблема обостряется, когда заходит речь о социально-конкурсных ситуациях, возникающих в процессе «вживания» бывших иммигрантов в социальные институты принимающих обществ. Например, возникают непростые вопросы политического самоопределения диаспор, характера и направленности их взаимодействия с исторической родиной.

Итак, с точки зрения функционально-исследовательской комфортности предлагается рассматривать диаспору как общность, сложившуюся в процессе этнического рассеивания в международном пространстве, обусловленного миграционной мотивацией, длительное время или постоянно проживающую на территории иностранного государства.

В мире и, в частности, в России накоплен известный опыт общественной практики, связанной с проблемами формирования и адаптации диаспор в принимающих социумах. Назовем условно для удобства дальнейшего анализа этот вид общественной практики диаспоральной практикой. На наш взгляд, ее важнейшей составной частью является национально-этническая политика государства принимающего общества по отношению к диаспорам. Только рассмотрев доктринальные основы и практическую реализацию этой политики, можно уяснить природу диаспоральных процессов.

Прежде всего необходимо уточнить содержание понятия «национально-этническая политика». Традиционно политика в отношении национальных и этнических общностей, политика в сфере межэтнических отношений обозначалась в советское время термином «национальная политика». Между тем во всем мире под этим термином понимается политика «обеспечения государственных (национальных) интересов (national policy)» [3, с. 345]. Следовательно, более корректным и, самое главное, адекватным является употребление понятия «национально-этническая политика». Доктринальной основой коммунистической национально-этнической политики был этнический национализм, который интерпретировал нации как этнические общности. Несмотря на то что марксизм преподносил себя интернационалистской доктриной, коммунистические вожди по достоинству оценили политический потенциал этнонационализма для свержения режима самодержавия и победы над своими противниками, выступившими под лозунгами «единой и неделимой России». Ленинское толкование решения национального вопроса Сталин затвердил догматичной формулой нации, интерпретировав ее как единство территории, общности хозяйственных связей, языка и психического склада, оформленного «собственной» национальной государственностью.

Апологеты советского режима создали понятие «социалистического федерализма» и «национальной (а по сути дела этнической) государственности», на основе которых была создана лжефедерация национальных республик и иерархия так называемых национально-государственных образований. Путем огромных материальных и интеллектуальных затрат, массовых репрессий, а часто и геноцида проводилось так называемое национально-государственное строительство.

Осуществлялась институционализация этничности через предпочтительный статус так называемых коренных наций в республиканских образованиях, через систему преференций и квот на административно-бюрократический персонал, профессии и образование. Через систему обязательной регистрации этнической принадлежности («национальности») в гражданских паспортах этничность стала социальной характеристикой. Национальность как бюрократический параметр этничности стала ранжиром социальной стратификации в республиках, на нижних ступенях которой оказались многочисленные «двойные меньшинства» внутриреспубликанских автономных образований [3, с. 41].

В двусмысленном положении оказались представители так называемых нетитульных этносов и этносов, у которых не оказалось государственных образований внутри СССР. В последнем случае речь идет о советских немцах, поляках, корейцах, греках и др. С одной стороны, большинству из них, обладающих советским гражданством, на декларативном уровне гарантировалось обеспечение прав в области языка и культуры. Но, с другой стороны, не имея политико-административного субъекта реализации своих национально-этнических интересов, эти народы были обречены на вынужденную ассимиляцию.

Таким образом, двойственность «ленинской национальной политики» заключалась в том, чтобы «на декларативном и элитном уровнях поощрять национализм и комплиментарные по отношению к «нациям и народностям» установки, а в повседневной реальности душить самостоятельность, уничтожать тех, кто поверил в эти декларации» [3, с. 41]. Коммунистическая эпоха характеризовалась национальной дискриминацией и репрессиями против многих этнических групп и национальных сообществ. Не обошла она стороной и диаспоры. Так, в 1937 г. сталинскими властями была осуществлена насильственная депортация более чем 170 тысяч советских корейцев с территорий Приморского и Хабаровского краев, а также Амурской и Еврейской автономной областей в регионы Средней Азии и Казахстана [7, с. 87]. В результате таких антигуманных акций корейская диаспора лишилась этнотерриториальной и этнокультурной общности, трансформировавшись за долгие годы проживания в среднеазиатских республиках в этномаргинальную общность, практически полностью утратив язык, большинство традиций и обычаев. Национальной дискриминации подверглось и корейское население территорий, вошедших в состав СССР после Второй мировой войны. Так, до середины 80-х гг. без гражданства оставалась большая часть корейской диаспоры Сахалинской области. Факты диаспоральной дискриминации существовали и в других коммунистических странах. Например, турок в Болгарии заставляли

отказываться от своей национальности и принимать болгарские имена, выселяли из страны. Различным формам притеснения подвергались венгры в Румынии, албанцы в Югославии и т. д. [8, с. 167].

Справедливости ради надо отметить, что бюрократическая централизация власти лишала не только этнические меньшинства и диаспоры, но и титульные этносы с многомиллионным населением элементарных прав даже на местное самоуправление. Советский централизм не допускал проявления свободы и самостоятельности. Вплоть до крайних мелочей все решала Москва. Но самым главным пороком коммунистической национально-этнической политики является игнорирование важной роли национального самосознания и национальных чувств. Как известно, последние были принесены в жертву политике форсированного «сближения и слияния социалистических наций и народностей». Тезис о приоритете интернационального над национальным стал идейно-теоретическим обоснованием подавления любых попыток публичного обсуждения острых и актуальных национально-этнических проблем. Эффектом от этой разжатой пружины стали нынешний национальный экстремизм и сепаратизм. Таким образом, имперская структура и шовинистическая политика коммунистических государств являются историческими факторами нынешних национально-этнических конфликтов в посттоталитарных обществах.

Вместе с тем необходимо отметить, что объективное понимание природы и происхождения нынешней национально-этнической напряженности состоит в том, что ее нельзя полностью относить на счет коммунизма. Истоки многих конфликтов уходят в глубь веков и берут свое начало в различиях культур и традиций народов. Так, напряженность между сербами и хорватами, болгарами и турками, армянами и азербайджанцами, осетинами и грузинами, территориальные споры между соседними народами существовали во времена Оттоманской, Австро-Венгерской и дореволюционной Российской империй.

Национально-этнические отношения в коммунистическую эпоху нельзя считать однозначно негативными. Наряду с антигуманными действиями по депортации народов и национальной дискриминации имели место экономический подъем и расцвет культуры многих этнических групп и национальных сообществ. Во многих случаях былую вражду народов удавалось смягчить и нейтрализовать. Например, если не считать выселения народов, то советский период был самым спокойным во всей истории полиэтничного Кавказа. В СССР реализовывалась государственная политика экономического и культурного подъема национальных окраин, особыми привилегиями наделялись представители малочисленных этносов Севера, Сибири и Дальнего Востока. Подобные факты не укладываются в версию о том, что ком-

мунизм является единственным и основным источником нынешних национально-этнических конфликтов в посттоталитарных обществах.

Полиэтнонациональные государства во все времена страдали болезнью национально-этнической напряженности. Ее унаследовали и коммунистические государства. Однако было бы ошибочно рассматривать их по аналогии с бывшими колониальными империями по схеме метрополия–колонии, угнетение колониальных народов господствующей нацией. Например, нет оснований считать, что сербы в Югославии или русские в СССР были господствующими нациями, обладали привилегиями и эксплуатировали другие народы. В отличие, например, от англичан или французов, действительно обладавших привилегиями в своих колониальных империях, русские в СССР ничего подобного не имели. Скорее наоборот, их интересы во многом приносились в жертву другим народам. Следствием отнюдь не имперской политики надо считать отставание центральных исконных русских земель по сравнению с более ускоренным социальным и экономическим развитием многих национальных окраин. Русские там часто выполняли работы, которые местное население считало для себя непрестижными.

Корни колониальных империй заключены в этнополитическом факторе, в стремлении одного этноса господствовать над другими. Корни коммунистических империй заключены в социально-политическом факторе, стремлении номенклатурно-бюрократического класса господствовать над всеми этносами. Имперские черты коммунистического государства вытекали из его тоталитаризма, отрицания прав человека и народа на свободу. Различные формы национальной дискриминации осуществлялись не одной нацией против другой, как, например, было в нацистской Германии, а правящей кликой в интересах укрепления своего безраздельного господства над другими. Сами по себе эти незаконные акции находились в вопиющем противоречии с официальной идеологией социалистического интернационализма. Поэтому их скрывали не только от мировой общественности, но и от собственного народа.

Официально же проводилась политика «дружбы народов». В ней, как и во всем остальном, было много бюрократического и показного. Но было бы глубокой неправдой все сводить к этому и не замечать тех позитивных колоссальных изменений в жизни множества народов, которые были результатом коммунистической национально-этнической политики. Государство проявляло заботу о развитии национальных культур, о создании национальной интеллигенции и кадров квалифицированных рабочих. Около 50 народностей (в основном так называемых малых) впервые в своей истории приобрели письменность. Причем около 10 из них, несмотря на все старания властей, не смогли ее

усвоить и удержать ввиду своей малочисленности [9, с. 234]. Различными льготами и преференциями обладали так называемые коренные малочисленные народы Севера и Дальнего Востока.

Было бы неправильным приписывать исключительно советскому режиму политику ассимиляции национальных меньшинств. Происходящая во все времена культурная ассимиляция малочисленных этносов обычно бывает результатом воздействия более многочисленных этносов, чем сознательной политики. Так, в основном, происходило и в данном случае. При всей ограниченности и тенденциозности коммунистическая идеология подчеркивала равенство рас и народов. В СССР функционировала масштабная система так называемого «патриотического и интернационального воспитания трудящихся», которая пусть и с помощью административно-командных, бюрократических методов формировала в целом высокую культуру межэтнического общения и являлась, в известной степени, механизмом сдерживания открытых проявлений национализма. Неуважение к национальному достоинству, а тем более проявление националистических взглядов осуждалось и считалось дурной манерой мышления и поведения как на официальном, так и на бытовом уровне. Именно поэтому этническая и расовая ксенофобия как сколько-нибудь заметное явление общественного сознания отсутствовала в советском обществе.

Однако если внимательно присмотреться к несомненным достижениям Советской власти в решении национального вопроса, то можно увидеть, что касаются они в основном титульных и так называемых коренных малочисленных этносов. Как уже упоминалось выше, этнонационалистическая доктрина признавала преимущественное право на этническое развитие только тех народов, которые обладали различными формами государственности. Что касается малочисленных этносов Севера и Дальнего Востока, то коммунистический режим проявлял к ним благодушие из идейно-политических соображений. Ему было необходимо показать перед мировой общественностью гуманность советской национальной политики и обосновать преимущества социализма в развитии этнических меньшинств.

Советская диаспоральная практика привела к тому, что представителям соответствующих меньшинств оставалось только ассимилироваться в составе «новой исторической общности». Конфликтогенными последствиями такой практики стали следующие обстоятельства.

Во-первых, вынужденная ассимиляция привела к тому, что многие диаспоры стали обладать свойствами этнической маргинальности. Этническая маргинальность указывает на специфическое положение индивида или группы в социальном пространстве, когда они оказываются на стыке различных этнокультурных систем, не принадлежа ни к од-

ной из них, или просто вытесняются на периферию социальной жизни. Например, российские корейцы при всем желании так и не смогли ассимилироваться ввиду этнорасовых различий и элементов конфуцианской ментальности. С другой стороны, они перестали быть не только частью корейской нации, но и этнической общиной с точки зрения обладания основными этническими компонентами.

Во-вторых, диаспоральная практика в СССР в некоторых случаях приводила не только к ассимиляции и маргинализации, но и к этнической сепарации диаспор. Вышеупомянутая национальная дискриминация корейской диаспоры Сахалина породила этнопсихологическое обособление многих ее представителей. Даже тогда, когда сахалинским корейцам удавалось переселиться с острова на другие территории, они образовывали относительно замкнутые кланы по этнотерриториальному признаку и противопоставляли себя не только русскоязычному, но и местному корейскому населению (если таковое имелось).

В-третьих, за годы тоталитарного режима сформировалась устойчивая подозрительность государственных органов (особенно правоохранительных) к представителям диаспор. В советское время это выразилось в недоверии (пусть и закамуфлированном лозунгами дружбы народов) и перестраховке по отношению к ним. Имеются в виду, например, кадровые назначения в государственных и партийных органах, армии, милиции, органах местного самоуправления. Все это не могло не вызывать соответствующих настроений национальной ущемленности и несправедливости, а в некоторых случаях «оборонного национализма».

Следует признать, что накопленные коммунистической диаспоральной практикой национально-этнические противоречия не разрешаются, а обостряются, и к вышеупомянутым конфликтогенным обстоятельствам присоединяются новые, возникшие в результате распада СССР. Новые политические силы в бывших советских республиках взяли националистическую идею как более прибыльную для эксплуатации в посткоммунистических условиях. Благодатной почвой для нее является то глубокое разочарование и опустошение, которое наступило в сознании каждого из этносов вследствие краха коммунизма. Во многом от коммунизма люди повернулись, к сожалению, не к либерализму и рационализму, а к анархизму и вандализму. Единственной святыней, оставшейся в душе отчужденного от общества человека в условиях крушения надежд, оказалось этническое чувство, дающее ему единение с теми, кто кажется ему наиболее близким по духу, с людьми его происхождения. Отсюда экзальтированность этого чувства, которое находилось долгие годы в точке крайней покорности и качнулось к

противоположной точке крайней амбициозности, оставив далеко позади оптимум разумных требований. Этим рождены эйфорические надежды и раздутые требования национального суверенитета. Экзальтированная воля национального эгоизма и сепаратизма стала искать теперь не свободу и демократию, а форму господства над другими. Поэтому она признает только собственную власть и правоту, отказывая другим в том, на что сама претендует. «Новые» национализмы лишь декларируют независимость и свободу. На самом деле они хотят установления этнократического господства на всей территории бывших советских республик.

В основе современных националистических движений лежит двойная логика: одна для себя, другая для остальных. Согласно этой логике, более сильная сторона – обычно это большинство населения данной территории – может иметь свою независимость, а более слабая сторона – обычно меньшинство – должна оставаться в подчинении. Молдова оставляла себе право отделиться от СССР, и она не считала это нарушением территориальной целостности советского государства. Но когда населенное преимущественно русскими и украинцами Приднестровье пыталось поступить таким же образом, то это превратилось в вооруженный конфликт. По той же двойной морали Грузия вступила в войну с Абхазией и Осетией, Азербайджан с Нагорным Карабахом и т. д.

Если бы посткоммунистические национальные движения носили антиимперский, демократический характер, то не было бы никаких причин для их превращения в вооруженные конфликты. Обретение национальной свободы определило бы путь строительства независимого государства без войн и имперских амбиций. Ярким примером такого поведения является Чехия, которая с пониманием отнеслась к отделению Словакии. Но весьма часто завоевавшие независимость народы пытаются сохранить свое господство над совместно с ними проживающими этническими, диаспоральными меньшинствами. В стремлении большинства установить свое господство над меньшинством усматривается основная социально-политическая причина современных национально-этнических конфликтов на посткоммунистическом пространстве.

Другой вопрос, кто возглавляет и направляет процессы формирования этнократических государств. В бывших коммунистических государствах национальные движения развивались одновременно с процессами суверенизации и приватизации. Суверенизация шла под лозунгом объявления всех находящихся на данной территории ресурсов исключительной собственностью титульного этноса. К законному недовольству прежним коммунистическим ограничением политиче-

ских прав национальных сообществ и этнических групп добавился новый элемент в виде особых интересов политической элиты национальных движений. Корыстный интерес частного обогащения собрал под флаг борьбы за «национальные интересы» разнообразные общественные группы: от бывшей коммунистической номенклатуры и экстремистски настроенной национальной интеллигенции до политических авантюристов-самозванцев и криминальных элементов.

Таким образом, можно сделать вывод о противоречивой, двойственной природе коммунистической национально-этнической политики. Партократия подчиняла национально-этнические процессы системе своего господства, поддерживая относительную стабильность, при которой, с одной стороны, получали свое развитие экономика, социальная сфера и культура многих народов, а с другой – проводилась шовинистическая политика национальной дискриминации. Коммунистический режим так и не смог разрешить многие национально-этнические противоречия, хотя в известной степени ему удалось смягчить и ослабить некоторые из них. Более того, в последние годы своего существования как правящего класса партийно-бюрократическая номенклатура в своей значительной части возглавила процессы суверенизации в распадающихся коммунистических империях. Сменив интернационализм на националистическую идеологию, бывшая партократия повела эти процессы в направлении приватизации власти и других ресурсов в новых национальных государствах, провозглашая приоритетные права так называемых коренных наций. Именно это обстоятельство, на наш взгляд, является решающим национально-этническим конфликтогенным фактором в посткоммунистическом пространстве Восточной Европы и бывшего Советского Союза.

Вышеуказанные социально-политические условия способствовали формированию и нового по сравнению с СССР потенциала диаспоральной конфликтогенности. Прежде всего следует отметить, что общая волна постсоветского национализма не обошла стороной и диаспоральные меньшинства. Отсутствие позитивной идентичности, опыта естественного этнокультурного развития привело к возникновению в диаспоральных процессах этнократических тенденций. «От властей требуют предоставления права выступать от имени «диаспоры» как единого тела и обладать властными полномочиями над его членами. ... Так, созданное в 1994 г. в Иркутске азербайджанское национально-культурное общество «Даяг» провозгласило своей основной целью установить контроль над всеми въезжающими в город азербайджанцами» [10, с. 135].

В связи с распадом СССР многие диаспоральные меньшинства были вынуждены мигрировать в Россию из бывших советских респуб-

лик. Тем самым не обладающие российским гражданством люди попали в ситуацию «двойной диаспоры». В условиях разрушения политико-идеологического механизма сдерживания националистических настроений они стали объектом мигрантофобии. Такая участь постигла, например, корейскую диаспору в Средней Азии. Являясь русскоязычным этническим меньшинством, она стала жертвой этнократической политики новых национальных государств. В то же время значительное число среднеазиатских корейцев, переселяясь в Волгоградскую, Воронежскую, Тверскую области, Приморский и Хабаровский края, не испытывают социально-психологического комфорта, поскольку нередко старожильческое население, а иногда и власти не проявляют к ним доверие и доброжелательность.

Следует учитывать еще одно обстоятельство. Как уже упоминалось, в результате абсолютизации иерархии этнической государственности диаспоры в СССР объективно были в положении этносов «третьего сорта» (после этносов, обладающих местными автономиями). Но при всем этом их представители, обладающие гражданством, признавались полноправными членами советской политико-культурной общности и в этом смысле им гарантировалась поддержка интернациональной (общесоветской) идентичности. В условиях обретения Россией национально-государственного суверенитета возник вопрос о характере и форме признания этнокультурного своеобразия диаспор, поскольку они явно стали ассоциироваться с представителями иностранных государств (пусть и постоянно проживающими в России). Принятый российским парламентом закон «О национально-культурной автономии», на наш взгляд, не является адекватной государственной реакцией на диаспоральную проблематику, поскольку декларирует правовые гарантии реализации лишь этнокультурных интересов и потребностей. Между тем рассмотрение спектра диаспоральных проблем свидетельствует о необходимости решения и многих других вопросов, выходящих за рамки чисто национально-культурного развития. Например, это вопросы контактов и связей с исторической родиной, обретения российского гражданства бывшими гражданами СССР, ограждения от ксенофобии и национальной дискриминации.

В связи с вышеуказанными обстоятельствами, на наш взгляд, необходимо начать осуществлять следующие направления совершенствования национально-этнической политики.

Первое. Следует дополнить реализацию Государственной программы переселения соотечественников полномасштабной либерализацией гражданства для представителей русскоязычных диаспор из стран СНГ.

Второе. Необходимо на государственном уровне начать и проводить масштабную разъяснительную и воспитательную кампанию по формированию толерантности к этнической миграции и диаспоральности.

Третье. Нужно создать прецеденты жесткого пресечения ксенофобии, расизма и национализма и постоянно активизировать влияние государства в этом направлении на общественное мнение.

Четвертое. Целесообразно осмыслить неоднозначный опыт по «интернациональному и патриотическому воспитанию трудящихся», накопленный в советский период, и приступить к научному обоснованию и практической реализации новой системы формирования гуманистической и демократической культуры межэтнического общения.

Пятое. Необходима разработка эффективной модели этнополитического самоопределения диаспор в российском обществе на основе создания научно обоснованного механизма сочетания связей с исторической родиной и реализации национально-этнических интересов в принимающем обществе. В этой связи имеет смысл провести тщательную и продуманную правовую трансформацию закона «О национально-культурной автономии» в законодательные акты, регулирующие статус и права диаспоральных меньшинств.

Шестое. Целесообразно создать комплексную программу социально-экономической, гражданской и культурной интеграции соотечественников, бывших граждан СССР и иммигрантов из дальнего зарубежья.

Седьмое. Необходим диалог между Россией и государствами исторической родины российских диаспор. Такой диалог предполагает не только развитие и углубление двусторонних межкультурных и социально-экономических связей, но и формирование посредством использования потенциала диаспор своеобразного «моста», эффективного межстранового сотрудничества.

На наш взгляд, следует провести своеобразный «пилотный» анализ возможностей реализации вышеупомянутых направлений на основе исследования конкретных этнических общностей, в течение длительного времени адаптирующихся в инокультурной среде и имеющих иностранное происхождение. Речь, например, идет о российских греках, евреях, корейцах, немцах, поляках. В научной литературе, к сожалению, явно недостаточно конкретных сюжетов о диаспоральных процессах, протекающих с участием этих этносов, совсем нет прикладных социологических исследований, направленных на изучение проблем формирования устойчивой и осознанной позитивной идентичности, что является эффективным способом противодействия как этнической маргинализации, так и этнической сепарации диаспор.

Вместе с тем конкретика научных изысканий может иметь успех только на основе устоявшегося понятийного аппарата. Между тем методологические дискуссии вокруг терминов «диаспора», «диаспоральные процессы», «диаспоральная политика», как показывает опыт обсуждения этих понятий в научном и общественном дискурсе, приняли оценочный характер. В связи с этим необходимо «настраивание» понятийного аппарата на волну объективного знания, отражающего реальные процессы сложной адаптации диаспор в российском обществе. Именно поэтому было бы логичным и целесообразным предложить употребление вышеупомянутых терминов в качестве эвристического инструмента конкретных социологических и политических исследований. Только на этой основе возможно, на наш взгляд, опережающее развитие механизмов управления диаспоральной практикой, конфликтность которой в условиях «давления» миграции и влияния последствий распада СССР на современное российское общество не вызывает сомнения.

Библиографические ссылки

1. *Шукин Р.* Вместо опия-сырца – героин и экстази // Аргументы и факты. Дальинформ. Региональное приложение для читателей Хабаровского края и Еврейской автономной области. 2006. № 31.
2. *Сколько приезжих может переварить Россия* // Аргументы и факты. 2005. № 46.
3. *Тишков В. А.* Этнология и политика. Статьи 1989–2004 годов. М., 2005.
4. *Фадеечева М. А.* Диаспора и состояния этнического индивида // Диаспоры. 2004. № 2.
5. *Костиков В.* Мигранты: быть или не быть? // Аргументы и факты. 2006. № 15.
6. *Цепляев В.* Станет ли Россия одной большой Кондопогой? // Аргументы и факты. 2006. № 38.
7. *Пан Беннюль.* Слободка Синханчхон и корейская община в России // 1937 год. Российские корейцы: Приморье – Центральная Азия – Сталинград (Депортация). М., 2004.
8. *Дзарасов С. С.* Российский путь: либерализм или социал-демократизм. М., 1994.
9. *Исаев М. И.* Языковое строительство в СССР. Проблемы создания письменности народов СССР. М., 1979.
10. *Дятлов В. И.* Диаспора: экспансия термина в общественную практику современной России // Диаспоры. 2004. № 3.